

Карл Густав Юнг

Становление личности

В несколько вольном контексте нередко цитируют стихотворение Гете:

Счастлив мира обитатель
Только личностью своей,

высказывая тем самым мнение, что самая заветная цель и самое сильное желание каждого человека состоят в том, чтобы дать раскрыться той целостности своего существа, которую обозначают понятием личность.

"Воспитать личность" — это стало сегодня педагогическим идеалом (в противоположность стандартизированному коллективному, или нормальному, человеку, выдвигаемому в качестве идеала массовым большинством) в результате правильного понимания того исторического факта, что великие, освободительные деяния мировой истории исходили от передовых личностей, а не от массы, во всякое время вторичной и косной, которая даже для малейшего перемещения всегда нуждается в демагоге. Возгласами ликования приветствует итальянский народ личность дуче, другие народы стонут, оплакивая отсутствие великих фюреров. Тоска по личности стала настоящей проблемой, которая занимает сегодня многие головы в противовес прежним временам, когда лишь один-единственный человек — Фридрих Шиллер предугадал этот вопрос, а его письма по эстетическому воспитанию спали непробудным литературным сном более столетия с момента их появления. Мы можем совершенно спокойно утверждать, что священная Римская империя германской нации совсем не заметила во Фридрихе Шиллере воспитателя. Зато "тевтонская ярость" набросилась на педагогику, т. е. на воспитание детей, занялась детской психологией, откопала инфантильное во взрослом человеке и тем самым превратила детство в столь важное для жизни и судьбы состояние, что рядом с ним творческое значение и возможности зрелого возраста полностью отошли в тень. Наше время даже чрезмерно восхваляется как "эпоха ребенка". Этот безмерно разросшийся и раздувшийся детский сад равнозначен полному забвению воспитательной проблематики, гениально предугаданной Шиллером. Оспаривать или хотя бы умалять возможность младенчества никто и не собирался; слишком уж очевидны тяжкие, часто пожизненные раны, наносимые ублюдочным домашним и школьным воспитанием, и слишком неотложна необходимость разумных педагогических методов. Действительно, желая пресечь это зло в корне, нужно серьезно задаться вопросом: как же это случилось и почему сохраняется такое положение, когда применяются глупые и ограниченные методы воспитания. Ведь очевидно, что это происходит лишь потому, что существуют глупые воспитатели, которые суть не люди, а персонифицированные автоматические методы. Хочешь воспитывать — будь сам воспитанным. Все еще практикуемые сегодня зубрежка и механическое применение методов не есть воспитание — ни для ребенка, ни для самого воспитателя. Беспреданно твердят о том, что из ребенка нужно воспитать личность. Разумеется, я преклоняюсь перед этим высоким воспитательным идеалом. Однако кто призван воспитывать личность? В первую очередь и прежде всего это самые обыкновенные некомпетентные родители, которые очень часто сами на протяжении половины или даже всей жизни остаются во многом детьми. В самом деле, кто будет ждать от обыкновенных родителей того, что они — "личности", и разве кто-нибудь позаботился о том, чтобы отыскать такие методы, с помощью которых можно было бы дать родителям представление о "личности"? Поэтому, естественно, многое ожидается от педагога, от образованного специалиста, которого с грехом пополам обучили психологии, т. е. точкам зрения (по большей части различным в своей основе) на те или иные правила, по которым предположительно устроен ребенок и по которым с ним нужно

обходится. В отношении молодых людей, которые избрали педагогику своим жизненным призванием, предполагается, что сами они воспитанны. То, что они к тому же являются личностями, видимо, никого не интересует. Они получили в большинстве своем то же самое дефектное воспитание, как и дети, которых они, как предполагается, должны воспитывать, и они, как правило, личности в такой же малой мере, как и эти дети. Наша проблема воспитания обыкновенно страдает односторонним интересом к подопечному ребенку и столь же односторонним невниманием к невоспитанности взрослого воспитателя. Всякий закончивший учебу априорно считается полностью воспитанным — одним словом, взрослым. Он, более того, должен считать себя таковым, ибо должен быть твердо убежден в своей компетентности, чтобы суметь выстоять в борьбе за существование. Сомнение и чувство неуверенности оказали бы парализующее и стесняющее действие, они похоронили бы столь необходимую человеку веру в собственный авторитет и сделали бы его непригодным к профессиональной жизни. От него ожидается, что он что-то умеет и уверен в своем деле, но никак не предполагается, что он испытывает сомнения в себе и в своей состоятельности. Специалист уже неизбежно обречен быть компетентным.

То, что эти состояния не идеальны, известно каждому. Но они, однако, в данных обстоятельствах — с известной оговоркой — лучшее из того, что возможно. Ведь совершенно невозможно было представить себе, что они могут быть иными. В конце концов, от среднего воспитателя нельзя ожидать лучших результатов, чем от средних родителей. Если первые — хорошие специалисты, то уже этим следует довольствоваться, так же как родителям, которые стараются воспитывать своих детей как можно лучше.

Высокий идеал воспитания личности не стоило бы применять к детям. Ведь то, что понимается под "личностью" вообще, а именно определенная, способная к сопротивлению и наделенная силой душевная целостность, есть идеал взрослого, который предпочитают приписывать детству лишь в эпоху, когда человек еще не осознает проблему своей так называемой взрослости или когда — того хуже — сознательно от нее увиливает. Как раз наше современное педагогическое и психологическое воодушевление по поводу ребенка я подозреваю в бесчестном умысле: говорят о ребенке, но, по-видимому, имеют в виду ребенка во взрослом. Во взрослом застрял именно ребенок, вечный ребенок; нечто все еще становящееся, никогда не завершающееся, нуждающееся в постоянном уходе, внимании и воспитании. Это — часть человеческой личности, которая хотела бы развиваться в целостность. Однако человек нашего времени далек от этой целостности как небо от земли. В мрачном ощущении своей ущербности он захватывает в свои руки воспитание ребенка, вдохновляется детской психологией, теша себя мыслью, будто во время его собственного воспитания и детского развития что-то пошло вкривь и вкось и что это, конечно же, можно будет устранить в последующем поколении. Это намерение, конечно, похвально, но оно терпит фиаско из-за следующего психологического факта: я не могу исправить в ребенке те ошибки, которые я сам все еще допускаю. Дети, конечно, не столь глупы, как мы полагаем. Они слишком хорошо замечают, что настоящее, а что поддельное. Сказка Андерсена о голом короле включает в себе бессмертную истину. Сколь многие родители заявляли мне о похвальном намерении избавить своих детей от того печального опыта, который они, очевидно, сами имели в детстве. И когда я спрашивал: "А вы уверены, что вы сами-то преодолели эти промахи?", они совершенно убеждены в том, что их дефекты уже давным-давно исправлены. В действительности же это было не так. Если они, будучи детьми, воспитывались слишком строго, то портили своих собственных детей толерантностью, граничащей с пошлостью; если от них в детстве досадно укрывали некоторые сферы жизни, то они столь же досадно и просветительски сообщали это своим собственным детям. Они только впали в другую крайность — сильнейшее доказательство трагического постоянства старых грехов. Это обстоятельство было ими совершенно упущено.

Все, что мы желаем изменить в детях, следовало бы прежде всего внимательно проверить: не является ли это тем, что лучше было бы изменить в нас самих, как, например, наш педагогический энтузиазм. Вероятно, лучше направить его на себя. Пожалуй, мы не признаемся в том, что нуждаемся в воспитании, потому что это беззастенчивым образом напомнило бы нам о том, что мы сами все еще дети и в значительной мере нуждаемся в воспитании.

Мне кажется, что этим сомнением безусловно стоит поделиться, если уж из детей хотят воспитать "личностей". Личность — это не зародыш в ребенке, который развивается лишь постепенно, благодаря жизни или в ее ходе. Без определенности, целостности и созревания личность не проявится. Эти три свойства не могут и не должны быть присущи ребенку, потому что с ними он был бы лишен детства. Он был бы противоестественной, скороспелой заменой взрослого. Однако таких монстров современное воспитание уже вывело, а именно в тех случаях, когда родителей одолевает настоящий фанатизм — обеспечить детей всегда и везде всем "самым лучшим" и "жить только ради них". Этот весьма популярный стереотип больше всего мешает родителям развиваться самим, и он же дает им право навязывать детям свое собственное "лучшее". Однако в действительности это "лучшее" представляет собой то, чем родители более всего пренебрегают в отношении самих себя. Детей ориентируют на то, чтобы добиваться именно того, чего не добились родители, им навязывают амбиции, которые родители так и не смогли реализовать. Такие методы и идеалы порождают педагогических монстров.

Никто не в состоянии воспитать личность, если он сам не является личностью. И не ребенок, а только взрослый может достичь этого уровня развития в качестве спелого плода жизненных свершений, направленных на эту цель. Ведь достичь уровня личности означает максимально развернуть целостность индивидуальной сущности. Нельзя упускать из виду, насколько велико число тех условий, которые должны быть выполнены ради этой цели. Здесь требуется вся человеческая жизнь со всеми ее биологическими, социальными и психологическими аспектами. Личность — высшая реализация врожденного своеобразия у отдельного живого существа. Личность — результат наивысшей жизненной стойкости, абсолютного приятия индивидуального сущего и максимально успешного приспособления к общезначимому при величайшей свободе выбора. Воспитать человека таким — это, по моему, немалое дело. Это, видимо, величайшая задача, которую взялась решать современная культура. Задача поистине столь опасная, что сам Шиллер, пророчески осмелившийся первым подступиться к этой проблематике, даже приблизительно не предчувствовал ее масштабности. Она столь же опасна, как смелый и отважный почин природы, повелевающий женщинам рожать детей. Разве не эта дерзкая прометеевская или даже люциферовская отвага толкнула сверхчеловека на сотворение в реторте гомункула, из которого впоследствии вырос какой-то Голем? И все же он сделал не больше того, что изо дня в день творит природа. Нет такой человеческой гнусности или уродства, которые не существовали бы уже во чреве любящей матери. Как солнце светит праведникам и нечестивцам, как вынашивающие и выкармливающие матери равной любовью одаряют чад божьих и детей лукавого, не думая о возможных последствиях, — так же и мы, являясь частицами этой диковинной природы, несем в себе, как и она, нечто непредсказуемое.

Личность развивается в течение всей жизни человека из темных или даже вовсе не объяснимых задатков, и только наши дела покажут, кто мы есть. Мы как солнце, которое питает жизнь земли и производит всякого рода прекрасное, диковинное и дурное; мы как матери, которые носят во чреве еще неизведанное счастье и страдание. Мы не знаем наперед, какие дела и злодеяния, какая судьба, какое добро и какое зло содержатся в нас; и только осень покажет, что было зачато весной; лишь вечером станет ясно, что началось утром.

Личность как полная реализация целостности нашего существа — недостижимый идеал. Однако недостижимость не является доводом против идеала, потому что идеалы — не что иное, как указатели пути, но никак не цели.

Как ребенок должен развиваться, чтобы стать воспитанным, так и личность должна сначала развернуться, прежде чем ее можно будет начать воспитывать. И уже здесь нас подстерегает опасность. Мы ведь должны иметь дело с чем-то непостижимым, мы не ведаем, как и во что разовьется становящаяся личность, но мы достаточно научены природой и реальностью мира, чтобы обоснованно относиться к этому с недоверием. Даже христианское учение воспитало нас в вере о первородном грехе человеческой природы. Но и те, кто не придерживается христианского учения, столь же естественно недоверчивы и осторожны в отношении своих лежащих в глубине возможностей. Даже психологи-материалисты просветительского толка, такие, как Фрейд, внушают нам очень неприятную идею относительно того, что дремлет на задворках и в безднах человеческой души. Поэтому замолвить доброе слово в пользу становления личности — уже само по себе предприятие рискованное. Человеческий же дух кругом увяз в диковинных противоречиях. Мы превозносим "священное материнство" и не думаем о том, что его следует сделать ответственным за всех человеческих монстров, за уголовников, за буйно помешанных, за эпилептиков, идиотов и калек всяческих видов: ведь они тоже были рождены. Но нас охватывает сильнейшее сомнение, когда от нас требуется гарантировать человеческой личности свободное развитие. Это означает, что "тогда все было бы возможно". Или вновь невпопад поминают словечко "индивидуализм". Но индивидуализм, однако, никогда не был результатом естественного развития, он был противоестественной узурпацией, непристойной бесстыдной позой, которая обнаруживает свою никчемность, зачастую рассыпаясь при малейшем затруднении. Речь здесь идет об ином.

Ведь никто не развивает личность только потому, что ему сказали, будто это дело полезное или благоразумное. Природа еще никогда не внимала доброжелательным советам. Только каузально действующее принуждение заставляет шевелиться природу, в том числе и человеческую. Без нужды ничего не изменяется, и менее всего человеческая личность. Она чудовищно консервативна, если не сказать инертна. Только острейшая нужда в состоянии ее вспугнуть. Так и развитие личности повинует не желанию, не приказу и не намерению, а только необходимости: личность нуждается в мотивирующем принуждении со стороны судеб, исходящих изнутри или приходящих извне. Всякое иное развитие было бы именно индивидуализмом. Поэтому-то упрек в индивидуализме — вульгарное оскорбление, если он направлен в адрес естественного развития личности.

Слова *"Многие призваны, но немногие избраны"* относятся более всего именно сюда, ибо развитие личности от исходных задатков до полной сознательности — это харизма и одновременно проклятие: первое следствие этого развития есть сознательное и неминуемое обособление отдельного существа из неразличимости и бессознательности стада. Это — одиночество, и по этому поводу нельзя сказать ничего утешительного. От этого не избавит никакое успешное приспособление и никакое беспрепятственное прилаживание к существующему окружению, а также ни семья, ни общество, ни положение. Развитие личности — это такое счастье, за которое можно дорого заплатить. Тот, кто более всего говорит о развертывании личности, менее всего думает о последствиях, которые сами по себе способны напрочь отпугнуть слабых духом.

Однако развитие личности означает все же нечто большее, чем просто боязнь страшных последствий или одиночества: оно означает также верность собственному закону.

Для передачи слова "верность" мне кажется более всего применимым греческое слово

из Нового Завета, которое по недоразумению было переведено как "вера". Однако оно, собственно говоря, означает доверие, доверчивую лояльность. Верность собственному закону — доверие этому закону, лояльное выжидание и доверчивая надежда, а вместе с тем — установка наподобие той, которую верующий должен иметь по отношению к Богу. И здесь становится ясно, сколь чудовищно тяжкая по последствиям дилемма обнаруживается на заднем плане нашей проблемы. Ведь личность никогда не может развернуться, если человек не выберет — сознательно и с осознанным моральным решением — собственный путь. Не только каузальный мотив, необходимость, но также сознательное моральное решение должно дать свою силу процессу личностного развития. Если первое, т. е. необходимость, отсутствует, то так называемое развитие будет простой акробатикой воли; если отсутствует последнее, а именно сознательное решение, то развитие увязнет в тупом бессознательном автоматизме. Однако решиться на собственный путь можно только в том случае, если он представляется наилучшим выходом. Если бы лучшим считался какой-нибудь другой путь, то вместо пути, подобающего личности, проживался бы и вместе с тем развивался этот другой путь. Эти другие пути суть конвенции моральной, социальной, политической, философской и религиозной природы. Тот факт, что неизменно процветают конвенции какого-нибудь вида, доказывает, что подавляющее большинство людей выбирает не собственный путь, а конвенции, и вследствие этого каждый из них развивает не самого себя, а какой-нибудь метод, а значит, нечто коллективное за счет собственной целостности.

Как душевная и социальная жизнь людей на первобытной ступени — это исключительно групповая жизнь при высокой степени бессознательности индивида, так и последующий процесс исторического развития, по существу, есть коллективное творчество и таковым, вероятно, останется. Поэтому я думаю, что конвенция есть коллективная необходимость. Она — паллиатив, а не идеал ни в нравственном, ни в религиозном отношении, потому что подчинение ей всегда означает отречение от целостности и бегство от собственных окончательных выводов.

На самом деле акция личностного развития — это, на взгляд постороннего, непопулярное предприятие, малопривлекательное отклонение от прямого пути, отшельническое оригинальничанье. Поэтому неудивительно, что издавна лишь немногие додумывались до столь странной авантюры. Если бы все они были глупцами, то мы имели бы право исключить их из поля зрения нашего интереса как духовных "частных лиц". К несчастью, однако, личностями являются, как правило, легендарные герои человечества, те, кто вызывает восхищение, любовь и поклонение, истинные чада божьи, чьи имена "не прейдут в эонах". Они — подлинный цвет и плод, семена, порождающие древо рода человеческого.

Ссылка на исторические личности уже объясняет, почему становление личностью является идеалом, упрек в индивидуализме — оскорблением. Величие исторической личности всегда состояло не в ее безоговорочном подчинении конвенции, но напротив, в спасительной для нее свободе от конвенции. Они как вершины гор возвышались над массой, которая цеплялась за коллективные страхи, убеждения, законы и методы, и выбирали собственную стезю. И заурядному человеку всегда представлялось диковинным, что некто вместо одного из проторенных путей и известных целей предпочитает крутую и узкую тропу, которая ведет в неизвестное. Поэтому такого человека всегда почитали если не помешанным, то одержимым демоном или богом; ибо это чудесное событие — некто сумел иначе сделать то, что издавна делало человечество, — можно объяснить не иначе как наделенностью демонической силой или божественным духом. Что иное, в конце концов, могло бы компенсировать огромный перевес всего человечества и вековой привычки, если не бог? Поэтому с давних пор герои обладали демоническими атрибутами. Согласно представлениям древних скандинавов, у них были змеиные глаза; их рождение или происхождение было необыкновенным. У некоторых древнегреческих героев были змеиные

души, у других — индивидуальный демон; они были колдунами или божьими избранниками. Все эти атрибуты, которые легко можно было бы приумножить, свидетельствуют о том, что выдающаяся личность для заурядного человека предстает как сверхъестественное явление, которое можно объяснить только присутствием демонического фактора.

Что же побуждает человека избрать собственный путь и таким образом вырваться, как из пелены тумана, из бессознательного тождества с массой? Это не может быть нуждой, потому что нужда приходит ко всем, и все спасаются конвенциями. Это не может быть и моральным выбором, потому что люди, как правило, выбирают конвенции. Что же тогда неумолимо склоняет выбор в пользу необыкновенного?

Это то, что зовется предназначением; некий иррациональный фактор, который фатально толкает к эмансипации от стада с его проторенными путями. Настоящая личность всегда имеет предназначение и верит в него; имеет к нему *pistis*, как к богу, хотя это — как, вероятно, сказал бы заурядный человек — всего лишь чувство индивидуального предназначения. Это предназначение действует, однако, как божественный закон, от которого невозможно уклониться. Тот факт, что очень многие погибают на собственном пути, ничего не значит для того, у кого есть предназначение. Он должен повиноваться собственному закону, как если бы это был демон, который соблазнял его новыми, странными путями. Кто имеет предназначение, кто слышит голос глубин, тот обречен. Поэтому, по преданию, он имеет личного демона, советы которого ему следует выполнять. Всем известный пример такого рода — Фауст, а исторический факт — даймон Сократа. Первобытные шаманы обладают духами змей, так же как Асклепий, покровитель врачей, которого в Эпидавре изображали в виде змеи. Кроме того, в качестве его личного демона выступал кабир Телесфор, который ему, видимо, читал вслух, т. е. внушал, рецепты.

Первичный смысл выражения "иметь предназначение" гласит: быть вызванным неким голосом (по-немецки слова "предназначение" (*Bestimmung*) и "голос" (*Stimme*) образованы от одного корня). Прекрасные тому примеры можно найти в свидетельствах ветхозаветных пророков. То, что это не просто архаичный *façon de parler*, доказывают исповеди исторических личностей — таких, как Гете и Наполеон (если ограничиться лишь двумя напрашивающимися примерами), которые не скрывали своего чувства предназначенности.

Предназначение или чувство предназначенности — это прерогатива не только великих людей, но и обычных, вплоть до дюжинных; разница лишь в том, что вместе с убыванием величины предназначение становится все более туманным и бессознательным, словно голос внутреннего демона все больше и больше отдаляется, говорит все реже и невнятнее. Ведь чем меньше масштаб личности, тем в большей степени она неопределенна и бессознательна, пока, наконец, она не исчезает, становясь неотличимой от социальности и поступаясь из-за этого собственной целостностью, и взамен растворяется в целостности группы. Место внутреннего голоса заступает голос социальной группы и ее конвенций, а место предназначения — коллективные потребности. Однако многие, будучи в этом бессознательном социальном состоянии, откликаются на призыв индивидуального голоса, из-за чего тут же выделяются среди прочих и чувствуют себя поставленными перед проблемой, о которой другие не ведают. В большинстве случаев невозможно объяснить ближнему, что же случилось, потому что рассудок плотно замурован сильнейшими предрассудками. "Как все другие", "ничего подобного нет", а если "подобное" происходит, то оно, конечно, считается "болезненным", а кроме того, в высшей степени нецелесообразным: "Думать, что это могло бы иметь значение, есть чудовищная заносчивость"; "Это ведь не более чем психология". Именно последний довод является ныне самым популярным. Он возникает из редкостной недооценки психического, которое ошибочно рассматривается как нечто подверженное личностному произволу, а потому совершенно ничего не значащее, —

это звучит парадоксально при всеобщем воодушевлении психологией. А бессознательное — это "не более чем фантазия"! Все это "придуманно" и т. д. Дело представляется так, словно маги то заколдовывают, то расколдовывают психику и вообще вертят ею как хотят. Неудобное отрицается, а нежелательное сублимируется, пугающее разъясняется, заблуждения исправляются — в итоге же считается, что теперь все отменно уладилось. При этом упускается главное, а именно, что психическое совпадает с сознанием и его фокусами лишь немного; гораздо большая его часть — это бессознательная данность, твердая и тяжелая, как несокрушимый и неподвижный гранит, который покоится, но может обрушиться на нас, как только это заблагорассудится неведомым законам. Гигантские катастрофы, которые угрожают нам, — это не стихийные события физической или биологической природы, а события психические. Нам в ужасающей мере грозят войны и революции, которые суть не что иное, как психические эпидемии. Во всякое время какая-нибудь химера может овладеть миллионами людей, и тогда вновь разразится либо мировая война, либо опустошительная революция. Вместо того, чтобы ждать опасности от диких зверей, обвалов и наводнений, человеку сегодня приходится опасаться стихийных сил своей психики. Психическое — это огромная сила, которая многократно превосходит все силы на свете. Просвещение, обезбожившее природу и человеческие установления, обошло своим вниманием только бога ужаса, который обитает в душе. Страх божий уместен более всего именно тут, перед лицом сверхмогущества психической стихии.

Но все же это лишь абстракции. Всем известно, что шельмец-интеллект способен высказаться об одном и том же и так, и совсем по-другому. Иное дело, если объективное, твердое как гранит и тяжелое словно свинец психическое встает на пути человека как его внутренний опыт и внятно говорит ему: "Так будет, и так быть должно". Тогда он чувствует свое предназначение — как и социальные группы, когда речь идет о войне, революции или прочем безумии. Не случайно именно наше время вызывает к спасительной личности, т. е. к тому, кто ускользает от неизбежной власти коллективности и тем самым по крайней мере психически освобождает себя, зажигая для других обнадеживающий свет маяка, который возвещает о том, что по меньшей мере одному удалось избежать рокового отождествления с групповой душой. Ведь группа, именно из-за своей бессознательности, не обладает никаким свободным выбором, благодаря чему психическое действует в ней как ничем не ограниченный природный закон. Возникает каузально обусловленный процесс, останавливающийся только с катастрофой. Народ всегда тоскует по герою-драконоборцу, когда чувствует опасность психического, — отсюда вопль о личности.

Что, однако, за дело отдельной личности до нужды многих? Ведь она прежде всего часть народного целого и отдана на произвол той власти, которая движет этим целым, как и все прочие. Единственное, что отличает этого человека от всех прочих, — его предназначение. То самое властное, всеподавляющее психическое, которое есть его рок и рок его народа, вызывает к нему. Если он и повинуетя голосу, то он отделен и изолирован, потому что решил следовать закону, который пришел к нему из глубин. "Его собственному закону!" — воскликнут все. Но только он знает это лучше, должен знать это лучше: этот закон, это предназначение столь же мало его "собственное", как и лев, который его сокрушает, хотя убивающий его зверь, несомненно, этот лев, а не какой-нибудь другой. Только в этом смысле он может говорить о "своем" предназначении, "своем" законе.

Уже своим решением — проложить собственный путь поверх всех других — он более чем наполовину выполнил свое освободительное предназначение. Он счел для себя несуществующими все другие пути. свой закон он поставил выше всех конвенций и таким образом отстранил от себя все, что не только не препятствовало величайшей опасности, но даже навлекло ее. Ведь конвенции сами по себе — бездушные механизмы, способные лишь на то, чтобы охватывать рутину жизни. Однако творческая жизнь всегда лежит по ту сторону

конвенций. Отсюда следует, что если голая рутина жизни господствует в форме стародавних конвенций, то должен произойти разрушительный прорыв творческих сил. Однако этот прорыв катастрофичен только как массовое явление, но никогда не бывает таким для индивида, который сознательно подчиняется этим высшим силам и ставит им на службу свои способности. Механизм конвенции держит людей бессознательными, потому что тогда они могут пойти по старой дорожке, не ощущая необходимости принимать сознательное решение. Это неожиданное воздействие неминуемо даже для лучшей конвенции, однако представляет собой все столь же страшную опасность. Потому что, как и у животного, у человека, остающегося бессознательным благодаря рутине, наступает паника (со всеми ее непредвиденными последствиями), когда возникают новые обстоятельства, не предусмотренные старыми конвенциями.

Личность, однако, может не поддаться панике тех, кто уже пустился наутек, потому что она уже пережила ужас. Она доросла до понимания нового и стала (ненамеренно и невольно) лидером.

Конечно, все люди похожи друг на друга, в противном случае они не впадали бы в одно и то же безумие; и, наверное, психическое основание, на котором покоится индивидуальное сознание, универсально-однородно, иначе люди никогда не смогли бы друг друга понять. Потому-то и в этом смысле тоже личность и ее своеобразный душевный склад не являются чем-то абсолютно неповторимым и единственным в своем роде. Неповторимость важна только для индивидуальности личности, как она важна для всякой индивидуальности. Стать личностью — это вовсе не прерогатива гениального человека. Да, он может быть гениальным, однако он не обязательно будет личностью. Поскольку каждый индивид имеет свой собственный, данный ему от рождения закон жизни, постольку у каждого есть теоретическая возможность следовать прежде всего этому закону и таким образом стать личностью, т. е. достичь целостности. Но так как все живое существует только в форме живых особей, т. е. индивидов, то и закон жизни в конечном счете нацелен на индивидуально проживаемую жизнь. Хотя объективно-психическое (которое, в сущности, и нельзя помыслить иначе как универсальную однородную данность) означает одну и ту же психическую предпосылку для всех людей, оно все же должно индивидуироваться, потому что у него нет другого выбора, кроме выражения себя через отдельного индивида. Иначе оно охватит группу и затем естественным образом приведет к катастрофе — и лишь по той простой причине, что действует только бессознательно, не ассимилируется сознанием и подчиняется всем другим, уже имеющимся условиям жизни.

Только тот, кто сознательно может сказать "да" силе предстоящего перед ним внутреннего предназначения, становится личностью; тот же, кто ему уступает, становится добычей слепого потока событий и уничтожается. В том и состоит величие и искупительный подвиг всякой настоящей личности, что она добровольно приносит себя в жертву своему предназначению и осознанно переводит в свою индивидуальную действительность то, что могло бы привести только к гибели, продолжая жить бессознательною жизнью в группе.

Один из блистательнейших примеров жизни и смысла личности, который нам сохранила история, — жизнь Христа. Антипод римской мании величия, которая была свойственна не только Цезарю, но и каждому римлянину — "Я — гражданин Рима", — возник в христианстве, которое, заметим между прочим, было единственной религией, действительно подвергавшейся преследованиям со стороны римлян. Противоречие обнаруживало себя везде, где бы ни сталкивались друг с другом культ цезарей и христианство. Однако, как мы знаем по свидетельствам Евангелий о душевном становлении личности Христа, это противоречие играло решающую роль также в душе основоположника христианской религии. История с искушением отчетливо показывает нам, с какой

психической силой столкнулся Христос: это была дьявольская сила той современной ему психологии, которая в пустыне вводила его в серьезное искушение. Этим дьяволом было объективно-психическое, которое держало под своими чарами все народы Римской империи; потому-то он и обещал Иисусу все царствие земное, как бы намереваясь сделать его Цезарем. Следуя внутреннему голосу, своему предназначению и призванию, Иисус добровольно подверг себя припадку имперского безумия, которое владело всеми — и победителями, и побежденными. Тем самым он познал природу объективно-психического, повергнувшего весь мир в страдание и вызвавшего страстное желание избавления, которое нашло выражение и у языческих писателей. Он не подавлял этот душевный припадок, которому подвергся сознательно, но и ему не дал себя подавить, а ассимилировал его. И так повелевающий миром Цезарь трансформировался в духовное царство, а Римская империя — в универсальное и неземное Царствие Божье. Там, где весь еврейский народ ожидал в качестве мессии столь же имперского, сколь и политически всемогущего героя, Христос выполнил мессианское предназначение не столько для своей нации, сколько для романского мира, и указал человечеству на древнюю истину: там, где господствует сила, нет любви, а там, где господствует любовь, сила не имеет значения. Религия любви была точной психологической контрмерой против римского шабаша силы.

По-видимому, пример христианства лучше всего иллюстрирует мои предшествующие абстрактные доводы. Мнимо уникальная жизнь Христа стала священным символом потому, что она является психологическим прототипом единственного вида осмысленной жизни, а именно той жизни, которая устремлена к индивидуальному, т. е. абсолютному и безусловному осуществлению свойственного ей закона. В этом смысле вместе с Тертуллианом можно воскликнуть: "Душа по природе христианка".

Обожение Иисуса, так же как Будды, не удивляет, но убедительно свидетельствует о том чрезвычайном почтении, с которым человечество относится к этим героям, а тем самым к идеалу становления личности. Если сегодня и кажется, будто слепое и разрушительное преобладание бессмысленных коллективных сил вытеснило идеал личности на задний план, то это лишь преходящее неповиновение превосходящей силе истории. Если однажды — благодаря революционным, неисторическим, а потому и некультурным наклонностям новейшей генерации — традиция оказалась сильно подорванной, то герои все равно ищутся и находятся. Даже большевизм, радикализм которого не оставляет желать лучшего, забальзамировал Ленина, а из Карла Маркса сделал спасителя. Идеал личности — неискоренимая потребность человеческой души, которая защищает его с тем большим фанатизмом, чем более он неуклюж. Даже культ цезарей был превратно понятым культом личности, а современный протестантизм, критическая теология которого все больше и больше ведет к упразднению божественности Христа, нашел свое последнее прибежище в личности Христа.

Да, великие и таинственные дела творятся вокруг того, что называют "личностью". Все, что можно об этом сказать, всегда на удивление неудовлетворительно и неадекватно и всегда чревато тем, что дискуссия заглохнет в сколь чрезмерной, столь и пустой болтовне. Даже понятие "личность" в обычном словоупотреблении столь расплывчатое и с таким трудом поддающееся определению слово, что едва ли найдутся двое, которые вкладывают в него один и тот же смысл. Когда я здесь предлагаю определенный подход, то не воображаю, будто тем самым сказал последнее слово. Я хотел бы все то, что здесь сказано, рассматривать только как попытку приблизиться к проблеме личности, не притязая на ее решение. Собственно, я охотнее толковал бы свою попытку как описание психологической проблемы личности. Обычные психологические приемчики и припарки дают здесь небольшую осечку, точно так же как и в проблеме гениальности и творчества. Апелляция к семейной наследственности или среде и вовсе не удастся: столь любимый сегодня романтизм

детства теряется, мягко говоря, в чем-то ему несвойственном; попытка искать объяснение в нужде — "нет денег, болел" и т. д. — увязла в чем-то внешнем. Всюду привходит нечто иррациональное и нерационализируемое — какие-нибудь "Бог из машины" или "прибежище неведения", эта пресловутая кличка бога. Кажется, проблема здесь посягает на сверхчеловеческую область, которой уже давным-давно было присвоено какое-либо божественное имя. Очевидно, мне следовало бы упомянуть о голосе глубин, о предназначении и обозначить его как всеильное объективно-психическое, чтобы охарактеризовать его в соответствии с его действием в становящейся личности, а иногда как субъективное проявление. Мефистофель персонифицирован в "Фаусте" не только потому, что драматически или сценически это выгоднее, чем если бы Фауст сам себя поучал или изображал на стене своего собственного беса. Первые слова "Посвящения": "Вы снова близко, реющие тени" — не просто эстетический эффект. Это как бы конкретизация дьявола, признание объективности психического опыта; едва слышная исповедь в том, что это все-таки именно так и было, само по себе, а не по субъективному желанию, опасению или благоусмотрению. Конечно, только глупец, вероятно, может здесь подумать о привидениях, однако, сдается, некое подобие первобытного глупца всегда ждет своего часа под поверхностью разумного будничного сознания.

Отсюда вечное сомнение: является ли видимое объективно-психическое действительно объективным, или в конце концов это только химера? Однако тотчас возникает вопрос: вообразил ли я нечто такое намеренно, или оно мне вообразилось? Эта проблема подобна проблеме невротика, который страдает воображаемой карциномой. Он знает — ему сто раз говорили, — что это фантазия, и он, напуганный, спрашивает меня: "А как же случилось, что я себе навообразал невесть что? Я ведь этого не хочу". Ответ таков: идея карциномы вообразилась ему без его ведома и без его дозволения. Причина этого в том, что в его бессознательном имеет место психический рост, "разбухание", которое он не в состоянии осознать. От этой внутренней деятельности он испытывает страх. Но так как он совершенно убежден в том, что внутри, в его собственной душе не может быть ничего, чего он не знал бы, то должен этот страх перенести именно на телесную карциному, о которой он знает, что ее не существует. И, несмотря на это знание, он будет продолжать бояться, даже если сотни врачей станут его уверять, что страх совершенно беспочвен. Итак, невроз — это защита против объективной внутренней деятельности души или дорого оплаченная попытка уклониться от внутреннего голоса, т. е. от предназначения. Ведь это "разбухание" — та самая объективная, независимая от сознательного произвола деятельность души, которая внутренним голосом хотела бы сказать нечто сознанию, чтобы привести человека к целостности. За невротическим вывихом кроется предназначение, судьба и становление личности, полное осуществление жизненной воли, данной индивиду от рождения. Человек без любви к судьбе — невротик; он теряет себя и никогда не сможет сказать вместе с Ницше: "Человек никогда не сможет подняться выше, если он не знает, куда приведет его судьба".

По мере того как человек, изменяя собственному закону, упускает возможность стать личностью, он теряет смысл своей жизни. По счастью, снисходительная и долготерпеливая природа никогда не вкладывала фатальный вопрос о смысле жизни в уста большинства людей. А если никто не спрашивает, не нужно и отвечать.

Страх карциномы у невротика правомерен, это не фантазия, а последовательное выражение того душевного факта, который существует во внесознательной области, недоступной воле и разуму. Если бы он остался наедине с собой и прислушался в одиночестве к своим глубинам, то, возможно, ему захотелось бы внять этому голосу. Однако образованный, культурный человек, как правило, совершенно не способен к восприятию этого голоса, если за него не ручается какое-нибудь учение. Дикари приспособлены к этому в значительно большей мере, во всяком случае, шаманы умеют, поскольку это даже

относится к их профессиональному оснащению, говорить с духами, деревьями, животными, а это означает, что в таких обличьях им является объективно-психическое, душевное не-Я.

Так как невроз — это нарушение в развитии личности, то мы, психотерапевты, вынуждены уже в силу профессиональной необходимости иметь дело с кажущейся неактуальной проблемой личности и внутреннего голоса. В практической психотерапии эти факты душевной жизни — некогда столь неопределенные и столь часто вырождавшиеся в пустословие — выступают из мрака неизвестности и становятся видимы. Однако это крайне редко происходит спонтанно, как у ветхозаветных пророков: как правило, те психические ситуации, которые вызывают расстройство, должны подвергнуться тягостному осознанию. Обнаруживаемые содержания вполне соответствуют "голосу глубин" и означают судьбоносное предназначение, которое — если сознание его принимает и включает в себя — приводит к развитию личности.

Как великая личность оказывает социально разрешающее, избавляющее, преобразующее и целительное действие, так и рождение собственной личности обладает целительным воздействием на индивида, словно поток, затерявшейся в заросших илом притоках, вдруг снова нашел свое русло или убран прочь камень, лежавший на пускающем ростки семени, которое может теперь пуститься в рост.

Голос глубин — это голос более полной жизни, более полного и объемного сознания. Поэтому в мифологическом смысле рождение героя или символическое возрождение совпадают с восходом солнца: ведь становление личности равнозначно приращению сознания. По этой причине большинство подобных героев обладают солнечными атрибутами, а момент рождения их великой личности называется просветлением.

Боязнь, которую ощущает большинство обычных людей перед голосом глубин, не столь уж детская, как можно подумать. Содержания, предстающие перед ограниченным сознанием, как показывает классический пример жизни Христа или столь же характерное переживание мары в легенде о Будде, отнюдь не безвредны, но, как правило, несут с собой опасность, которая специфична для затронутого ими индивида. То, что доносит до нас голос глубин, есть, как правило, нечто недоброе, даже злое. Так и должно быть — прежде всего потому, что обыкновенно человек в отношении своих добродетелей не так бессознателен, как в отношении своих пороков, а кроме того, потому что от добра он страдает меньше, чем от зла. Внутренний голос доносит до сознания (о чем я уже говорил) то, чем страдает целое, т. е. народ (к которому принадлежит каждый) или человечество, частью которого мы являемся. Однако он представляет это зло в индивидуальной форме, так что поначалу даже можно подумать, будто это зло лишь индивидуальное свойство характера. Внутренний голос доносит зло с такой соблазнительной убедительностью для того, чтобы люди поддались ему. Если ему хоть немного не поддаются, то это воображаемое зло оставляет нас равнодушными, и тогда невозможно ни обновление, ни исцеление. (Я называю зло внутреннего голоса "мнимым", что звучит слишком оптимистично.) Если Я полностью уступает внутреннему голосу, то его содержания действуют так, как если бы они были дьяволом, т. е. следует катастрофа. Если же Я уступает лишь отчасти и может спастись от полной поглощенности путем утверждения самости, то оно может ассимилировать внутренний голос, и тогда окажется, что зло было лишь злой видимостью, а в действительности — носителем блага и просветления. "Люциферическим" в самом исконном и недвусмысленном значении этого слова является внутренний голос, и потому он ставит человека перед радикальными моральными решениями, без которых он никогда не придет к осознанности и не сможет стать личностью. Часто в голосе глубин бывают парадоксально смешаны самое низкое и самое высокое, самое лучшее и самое гнусное, самое истинное и самое ложное. Такое смешение внезапно распахивает бездну смятения, обмана и отчаяния.

Конечно, смешно, когда голос всеблагой и всеразрушительной природы обличают в злодействе. Если она кажется нам преимущественно злой, то это идет главным образом от старой истины: лучшее — враг хорошего. Было бы глупо пренебрегать традиционным благом, пока это еще возможно. Но, как говорит Фауст: "Мы достигаем на земле хорошего — и лучшее начинает означать обман и иллюзию". Хорошее, к сожалению, не вечно остается хорошим, ибо иначе не было бы ничего лучшего. Если придет лучшее, то хорошее должно отступить. Потому-то Майстер Экхарт и говорит: "Бог не хорош, ибо иначе он мог быть лучшим".

Поэтому в мировой истории бывают эпохи (к которым следовало бы причислить и нашу), когда доброе должно отступить, и тогда появляется то, что обречено стать лучшим, но поначалу считается злым. Насколько вообще опасно касаться этой проблемы, свидетельствует сказанное ранее; ведь как легко может одолеть зло, если просто заявить, будто оно как раз и есть потенциально лучшее! Проблематика внутреннего голоса полна скрытых ловушек и капканов. Это очень опасная и скользкая область, столь же опасная и шаткая, как и сама жизнь, если она отказывается от помочей. Кто, однако, не может поставить свою жизнь на кон, тот и не выиграет ее. Рождение и жизнь героя всегда под угрозой. Змеи Геры, угрожающие младенцу Гераклу, питон, который намеревается погубить Аполлона, бога света, при рождении, вифлеемское истребление младенцев — типичные примеры. Становление личности — это риск; и трагично, что именно демон внутреннего голоса означает одновременно и величайшую опасность, и необходимую помощь. Это трагично, но логично. Это естественно.

Можно ли поэтому ставить в вину человечеству, всем благонамеренным пастухам стада и заботливым отцам детских стай, когда они возводят защитные стены, сооружают действенные образцы и указывают торные пути, которые на самом деле извиваются вокруг пропастей?

В конечном итоге героем, вожаком и спасителем является как раз тот, кто открывает новый путь к большей безопасности. Ведь все могло бы остаться по-старому, если бы этот новый путь не стал настоящей необходимостью и не был открыт; человечество не нашло бы новый путь, если бы не претерпело всех казней египетских. Неоткрытый путь в нас — нечто психически живое, что классическая китайская философия называет "дао", уподобляя водному потоку, который неумолимо движется к своей цели. Быть в дао означает совершенство, целостность, исполненное предназначение, начало и цель, а также полное осуществление смысла земного бытия, от рождения присущего вещам. Личность — это дао.

К. Г. Юнг

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

